

АЛЕКСАНДР
АСМОЛОВ

ПСИХОЛОГИЯ
ЛЮБВИ

Загадочный дар эволюции

Александр Григорьевич Асмолов

Психология любви:

Загадочный дар эволюции

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73302578

Психология любви: Загадочный дар эволюции.

ISBN 9785006318182

Аннотация

Зачем в жизни человека и человечества рождается чудо – чудо любви? Возможно ли двоим превратиться в одно целое и при этом сохранить уникальность своего Я? Не является ли любовь той могучей силой, благодаря которой в каждом из нас рождается человечность и одерживаются победы над расчеловечиванием в самые трагичные времена?

Перед вами книга о понимании человеческой жизни в контексте любви и о понимании любви в контексте великого закона эволюции: закона востребованного разнообразия. Александр Асмолов, выдающийся российский психолог, заслуженный профессор, заведующий кафедрой психологии личности Московского государственного университета, научный руководитель Московского института психоанализа и автор бестселлера «Психология достоинства: Искусство быть человеком», ведет разговор о любви как переизобретении жизни,

необходимом опыте полноты переживания своего времени и вечности во времени.

Автор обсуждает современные угрозы любви, страх уязвимости и боязнь неизвестного, безнадежные мечты о гарантиях. Но, поскольку исход любви как поступка заведомо непредсказуем, лишь обладая мужеством ставить и решать задачи на личностный смысл, каждый получает шанс через любовь приоткрыть то, зачем он пришел в этот мир, мир, в котором всегда есть те, ради которых стоит жить.

Содержание

Пролог	9
Глава 1	17
Несколько слов о законах любовной гравитации	19
В начале было со-действие	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Александр Асмолов

Психология любви:

Загадочный дар эволюции

Знак информационной продукции (Федеральный закон
№ 436–ФЗ от 29.12.2010 г.)

Редактор: *Андрей Русаков*

Главный редактор и руководитель проекта: *Сергей Турко*

Дизайн обложки: *Юрий Буга*

Художественное оформление и макет: *Юрий Буга*

Корректоры: *Елена Чудинова, Мария Смирнова*

Компьютерная верстка: *Максим Поташкин*

Фото: *Татьяна Ильина*

Стилист: *Тимур Литвинов*

Визажист: *Полина Уютная*

Место съемки: *Палаты А. Д. Друцкого*

Продюсер съемки: *Наталья Мельшина*

© Александр Асмолов, 2026

© Дмитрий Леонтьев, приложение, 2026

© ООО «Альпина Паблицер», 2026

* * *

АЛЕКСАНДР
АСМОЛОВ

ПСИХОЛОГИЯ
ЛЮБВИ

Загадочный дар эволюции

АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР

Москва, 2026

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Пролог

О любви как творческом порыве эволюции, и не только...

*...И прелести твоей секрет
Разгадке жизни равносильен.*
БОРИС ПАСТЕРНАК

24 ноября 1859 года в одном из лондонских магазинов появился небольшой зеленый томик «Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь». Его издатель хотя и считал странную теорию эволюции, изложенную в зеленом томике, полной чушью, но по каким-то неведомым причинам верил в коммерческий успех предприятия.

И чутье его не подвело. Более тысячи экземпляров разлетелись за один день. Но автор, а его звали Чарлз Дарвин, с некоторым удивлением заметил: «Несомненно, что публику бесстыдно обманули! Ведь все подряд покупали книгу, думая, что это приятное и легкое чтение!»

Легко вообразу читателя, который возьмет в руки книгу под заголовком «Психология любви», а лишь потом заметит еще одну строку: «Загадочный дар эволюции».

Не исключаю, – он с ходу может предположить, что его

попросту обманули, посулив очередной рассказ о превратностях любви. Но вместо увлекательных историй о сексуальных отношениях, волнующих всех и каждого, его явно направили куда-то не по адресу, причем направили весьма далеко – в какую-то эволюцию, что ассоциируется со сложными теориями и не устаревающими дискуссиями о происхождении видов.

Не буду рассеивать всех этих сомнений.

Уточню лишь, что историю об издателе Чарлза Дарвина я не выдумал, а позаимствовал из книги Веры Корсунской «Великий натуралист Чарлз Дарвин». А рядом с этой книгой передо мной лежит небольшая брошюра, имеющая самое непосредственное отношение к пониманию эволюционного смысла родословной феномена любви. Авторы книги «Ошеломляющее разнообразие жизни» (1990) – Татьяна Чеховская и Рем Щербаков – подарили мне немало откровений.

Одно из них – рассказ об изумлении Чарлза Дарвина перед бесконечным разнообразием жизни, проявляющимся в различиях между видами. «Мне казалось, – писал Дарвин, дивясь разнообразию фауны на Галапагосских островах, – что я присутствовал при самом *акте творения*». Ассоциация классика теории естественного отбора с Библией, с сотворением жизни на Земле, вовсе не случайна.

Не случайно и то, что французский философ Анри Бергсон, мыслитель из более близкого нам XX века, вызывающе назвал свое произведение о созидающей роли различий в со-

творении жизни «Творческой эволюцией». Мало того!.. Он заявил на весь мир, что в основе ошеломляющего разнообразия жизни на Земле лежит «жизненный порыв» (*élan vital*); творческий импульс – как движущая сила эволюции!

И сколь бы другие исследователи ни опровергали потом те или иные его утверждения, Анри Бергсон показал: в истоках всего живого были разветвления, искры которых давали импульс и сотворению жизни, и восхождению эволюции к сложностям биологического, социального и индивидуально-го миров, и нарастанию сложности жизни на нашей планете.

Анри Бергсон убеждает нас, что в основе эволюции был жизненный порыв. Для меня это утверждение чрезвычайно важно в наполненном самыми различными рисками повествовании о любви как даре эволюции. Я попробую лишь слегка перефразировать его исходный тезис о творческом импульсе эволюции и сказать так: *в начале эволюции была... любовь.*

И тут-то мне на помощь и приходит Борис Пастернак:

...И прелести твоей секрет
Разгадке жизни равносильен.

Эта формула из книги стихов «Второе рождение». Разгадку со-творения любви, как и разгадку жизни (не случайно поэт поставил то и другое рядом в этих двух строках), ищут и писатели, и биологи, и антропологи, и философы, и сексо-

логи, и... даже психологи.

Весьма нетривиально еще вот что: и те, и другие, и третьи, сколь бы противоречиво они ни относились к Дарвину или Бергсону, сходятся в ряде немаловажных для понимания феномена любви моментов. Один из таких моментов, воздав хвалу Чарлзу Дарвину, выделяет эпатажный мастер философии различий Жиль Делёз: «...Великим нововведением Дарвина было *учреждение мышления об индивидуальных различиях*. Лейтмотив "Происхождения видов" таков: вы еще не знаете, на что способны индивидуальные различия... Индивидуальные различия... свободные, плавающие... сливаются в неопределенной изменчивости» («Различие и повторение», 1998).

Я же, прислушиваясь к Делёзу, в своем набеге на хоженую-перехоженую территорию истории любви попытаюсь показать, на что способны индивидуальные различия не только в развитии рода человеческого, но и в происхождении родства между всеми нами.

А потому оставляю в покое Жилия Делёза и обращаюсь к еще одному французскому мыслителю, современнику Делёза, не раз шокировавшему общественное мнение во Франции (да и не только в ней) философу и чуть-чуть психоаналитику Алену Бадью.

Через все исследования Алена Бадью, в том числе и в книге с наглым названием «Ален Бадью об Алене Бадью», лейтмотивом проходит мысль, что любовь – это *частное дело*,

раскрывающее каждому неповторимость его любви как всеобщего события на Земле.

В любви, и только в любви для меня раскрывается и мир, и мое собственное «я».

Поражающий парадокс любви состоит в том, что в ней универсальное, всеобщее преобразуется в частное, принадлежащее мне, и только мне.

В этом Ален Бадью перекликается с моим учителем, всю жизнь любившим Францию, психологом Алексеем Николаевичем Леонтьевым, который без усталости утверждал, что «психология – пристрастная наука»! И в этой пристрастной науке немало страниц уделено любви, превращающей любое социальное событие в акт моей собственной, индивидуальной, неповторимой частной жизни. Именно любовь открывает для каждого из нас «личностный смысл» (*значение-для-меня* – по выражению Алексея Леонтьева) через призму борющихся между собой мотивов нашего поведения.

Именно любовь, повторяю, превращает любое холодное познание в окрашенное мотивами и страстями *личное знание* ищущего истину человека; или – «личностное знание» – если вспомнить произведение другого философа, Майкла Полани.

Подобные мысли оказались питательным раствором еще для одного популярного философа наших дней, корейца по происхождению, живущего и творящего в Германии. Его имя – Хан Бён-Чхоль. Этот философ (привлекший внимание

многих наших современников) показывает, как охватившая весь мир *мания лидерства*, присущая эпохе чрезмерного позитива «общества достижения», растворяет любые различия людей и идей в гонке за унификацией. А когда стираются любые различия, любая инаковость – исчезает и животворящая среда любви. Книги этого автора, в том числе «Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива» (2024) и «Агония Эроса. Любовь и желание в нарциссическом обществе» (2022), довольно быстро стали бестселлерами. Диагноз этого аналитика суров и драматичен – в наше с вами время происходит *агония любви в аду однообразия*.

Но, повторюсь вслед за Жилем Делёзом, – вы еще не знаете, на что способна инаковость, *сцена для двоих*, на что еще способны индивидуальные различия и в эволюции жизни, и в эволюции общества, и в нашей с вами неповторимой судьбе.

«*Модерн крепчает*». Эту емкую формулу Сергея Довлатова вполне можно приложить к заполняющему полки книжных супермаркетов «психологическому фастфуду», безмятежно предлагающему в трудных жизненных ситуациях «избегать выхода из зоны комфорта» и сосредоточиться на достижении счастья за счет широкого репертуара сексуальных

техник.

Но ведь любовь – это не про зону комфорта. В жизни часто соседствуют друг с другом Любовь и Нелюбовь. Если бы нашлись особые весы, на которых бы попытались взвесить Любовь и Нелюбовь, то не берусь сказать, какая бы из этих чаш перевесила в истории человечества.

Признаюсь, что почти каждый, кто наберется окаянства писать о Любви, изначально обречен на особого рода комплекс неполноценности. Сразу же оговорюсь, за одним исключением – за исключением «нарциссов». Ведь им вполне достаточно для этого заняться самонаблюдением и лишний раз испытать счастье самоликования от оного...

Любим же другим искателям смысла любви, в том числе и автору этой книги, исходно не повезло. Им придется терзать себя, понимая, что испить до конца чашу недосказанности в историях и загадках как Любви, так Нелюбви не сможет никто. Любая история о любви обречена быть недописанной.

Но все-таки не нарциссизм, а чувство своей неполноты и, если угодно, неполноценности является истоком жизненного пути многих из нас. И в этом проявляется то ощущение бытия, которое созвучно сюжету нашего разговора.

...Когда-то Александр Герцен подметил, что «Феноменологию духа» Гегеля надо «прострадать», чтобы ее постичь. Ну а феноменологию любви тем более.

Сколько поэтов, писателей, теологов, антропологов, философов, психологов и сексологов решалось *прострадать*

феноменологию любви? И как часто они оказывались не только непонятыми и не услышанными, но и осмеянными.

Среди них немало тех заслуженных собеседников, чьи голоса любви звучат во мне. И поэтому наберусь окаянства пригласить и вас услышать эту полифонию, гармонию и дисгармонию Любви и Нелюбви.

Услышать и проработать, заглянув в четыре эссе о любви как связи и вязи интимных взаимоотношений, порождающих наше неповторимое Я через Другого и порой, если повезет, рождающих то «Мы», которое порой именуют «We-Self» – «Мы-Самость».

Нельзя объять необъятное – а в моем почтенном возрасте и тем более. (Не случайно Игорь Губерман обронил когда-то строки: «Из органов секса остались у нас одни только глаза».)

Но глаза-то пока есть. И глаза, и эмоции – «глаза смысла». И они не помешают побеседовать о тайнах любви с придерживающимися самых разных точек зрения собеседниками, которые столько поведали о любви и нелюбви, что мало нам не покажется. И при этом они оказывались, как и положено пророкам, весьма часто не услышанными.

Никого не заставляю прислушиваться к их голосам. Но если кто-то пожелает оказаться соучастником моих диалогов о встречах с любовью, то в путь.

Глава 1

Двое на шаре

*...Жизнь – это Вечное движение,
Не обращайтесь к Красоте
Остановиться на мгновение,
Когда она на Высоте.
Остановиться иногда
На то мгновение – опасно,
Она в движении всегда
И потому она прекрасна!
Ах, только б не остановиться...*

ВАЛЕНТИН ГАФТ. ФУЭТЕ

Сколь много страниц исписано об истории рода человеческого – намного меньше книг об истории человеческого Родства.

Не являются ли откликом на недостижимость евангельской мечты – «возлюби ближнего своего» – знаменитые строки: «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте»? Оптимистичный аккорд прозрения меж семьями Монтекки и Капулетти столетиями опровергается братоубийственными войнами между племенами, этносами, классами, сословиями и народами.

Одно из произведений о любви моего названного брата и старшего друга писателя Владимира Тендрякова

называется «Затмение». В нем Тендряков задает щемящий душу вопрос: «Если Он и Она веками не могут договориться друг с другом, то как же можно надеяться, что меж собой сумеет договориться Человечество?» Оно веками разрывается на Своих и Чужих, на эллинов и иудеев, на верных и неверных...

Но то же самое человечество не устает вопрошать о любви, молиться на любовь, поклоняться Афродите, Венере и Фрейе, богам свиданий и богам красоты.

Не случайно король экзистенциального и гуманистического психоанализа Эрих Фромм, решившийся написать научную поэму о любви «Искусство любить», по сути отвечает на этот вопрос: любовь – это искусство Быть, а вернее, труд и искусство Быть Человеком и Быть Человечеством.

Без любви как искусства быть человеком, любви как содействия становлению человечности в человеке распадутся и связь времен, и связь поколений, и та нить Родства между людьми, которая только и делает нас людьми, а не «вещами» или «тварями».

В мифологии Толкина один из героев задает магу вопрос: «Если я не исполню своего предназначения, то... я погибну?» «Куда хуже, – отвечает маг, – ты не погибнешь. Ты сгинешь».

Человечество не просто погибнет, а сгинет, если только не останется верным любви как искусству Созидания Себя через Другого и Другого через Себя.

Несколько слов о законах любовной гравитации

Как часто писатели в своих прозрениях опережают исследователей! К таким мастерам философских прозрений относится и Шекспир, заявивший: «Чем бы человек отличался от животного, если бы ему было нужно только необходимое и ничего лишнего?», и другой английский писатель и философ Гилберт Честертон, который рискнул определить грань между живым и неживым: «Все мертвое плывет по течению, против течения может плыть только живое».

И Шекспир, и Честертон своими метафорами предварили многие положения современных теорий живых систем.

Поэтому разговор о любви начну с предварительного обсуждения природы человеческой жизни.

Ведь любовь – предельное выражение жизни, в ней, как в капле, отражается вся духовная и душевная жизнь человека, она дышит по законам лучшего, что есть в нас.

Живые системы существуют в рамках гомеостаза. В самом общем смысле гомеостаз означает поддержание постоянства живой системы путем компенсации внешних возмущений собственными усилиями этой системы.

Живая система отличается от физической тем, что физическая система подчиняется внешним влияниям, а живая –

даже в состоянии покоя активно им противодействует.

Людвиг фон Берталанфи определяет живые структуры как открытые целостности, существующие в потоке взаимодействия со средой и одновременно ухищряющиеся оставаться в почтенном удалении от равновесия с окружением. Только живое постоянно преодолевает спонтанное стремление к равновесию и удерживает себя в неравновесном, казалось бы, «неестественном» положении.

Жизнь, живая структура – феномен, «обреченный» на активное противостояние тому, что навязывается извне.

И человек, и человеческое общество – примеры подобных феноменов.

Если система значительно удалена от равновесия, то ее переменные подчиняются не однозначным, а более сложным нелинейным закономерностям. Одним из первых ученых, осознавшим важность этого факта, был выдающийся психофизиолог и мыслитель Алексей Ухтомский. Он обратил внимание на то, что именно нелинейные зависимости, допускающие множественные решения, присущи природе живых систем.

Более того, Алексей Алексеевич Ухтомский доказал, что поведение живого существа зависит не только и не столько от внешних воздействий, сколько от его собственной доминирующей направленности, его доминанты. Именно Ухтомскому принадлежит ошеломляющая по своей глубине идея: *природа наша делаема.*

Собственной возможностью живой системы, определяющей ее прогресс, является особого рода готовность – готовность к выходу за рамки необходимого в обыденных условиях. Эта парадоксальная готовность к тому, чего не было никогда в прошлом, в науках о жизни получила название *преадаптация*.

Если адаптация – это приспособление к внешней среде, которое обеспечивает устойчивость в уже достигнутых условиях существования, то преадаптация – это готовность к преобразованию ждущих своего часа скрытых свойств, которые приобретают приспособительную ценность при столкновении с никогда ранее не встречавшимися обстоятельствами.

Адаптация всегда связана с теми или иными ограничениями системы, с подгонкой, подстройкой под изменения окружающей среды. В общественной жизни яркий пример адаптации – социальный конформизм, суть которого точно передается формулой Гёте: «А ты куда?» – «Туда, куда ведут». Ограниченность адаптации наглядно проявляется, когда условия жизни внезапно и резко меняются. В этом случае наработанный в прошлом репертуар реакций может оказаться не только бесполезным, но и разрушительным.

Любовь бесцельна, безгранична, непостоянна, не стремится к равновесию. Мы, в рамках картин мира, сводящих нашу жизнь лишь к выживанию и приспособлению, никогда не сможем постичь, зачем в

жизни встречается любовь.

Преадаптация – совсем другое дело. Она заражает систему устойчивостью, жизнеспособной пред лицом непредсказуемых воздействий. По сути, преадаптация наделяет систему бесстрашием перед резкими сменами привычного образа жизни.

Эволюционный смысл преадаптаций (как готовности к перевоплощению) состоит в том, что они «подталкивают» индивидов не плестись за средой, а самим активно творить ее новые формы. Именно этот поиск является источником прогрессивного развития жизни.

В психологии человека эволюционный смысл избыточности как источника форм неадаптивности раскрыт в широком спектре исследований Вадима Артуровича Петровского. Вадим Петровский прозорливо заметил: «Адаптивная мотивация активности – это мотивация дефицита; неадаптивная – избытка возможностей».

По сути, человек – это неутомимый искатель сред, через которые проходит его жизненный путь. Его свободный поиск новых возможностей ограничен лишь одной из величайших тайн, тайной нашего единственного и неповторимого предназначения.

Дальновидный Мартин Бубер, сложивший не один гимн во славу ценности человека, пишет:

«...Эта единственность и неповторимость как раз и есть то, что каждому поручено развить и

привести в действие, ни в коем случае не повторяя деяний, которые уже осуществил другой, хотя бы и величайший».

Все без исключения живое характеризует постоянное существование двух полярностей – взаимодействие с окружением и, одновременно, охрана собственной целостности и обособленности. При этом только живое способно к самозиданию: каждое существо непрерывно трудится, воссоздавая самого себя как нечто отличное от окружения, выделенное из него. Люди наследуют это общее свойство любой жизни в полной мере.

И здесь самое время перейти от человека и жизни – к Любви.

Любовь как уникальная устойчивость на двоих, в каждом из которых их индивидуальности не исчезают, но при этом порождают новую общность, – такова одна из главных преадаптационных способностей человека.

Она бесцельна, безгранична, непостоянна. И она не стремится к равновесию. Не случайно. Законы притяжения в любви отличаются от законов тяготения физических тел. Мы, в рамках картин мира, сводящих нашу жизнь лишь к выживанию и приспособлению, никогда не сможем постичь, зачем в жизни встречается любовь.

Когда говорят о «смысле» любви, иногда это слово понимают как английское meaning (значение), но тогда мы оказываемся в ловушке. Тогда мы не сможем понять, в чем состо-

ит значение любви; я хочу подчеркнуть, что в законах рационального познания мира тщетно искать ответ на вопрос, «а зачем, ради чего» появляется феномен любви.

Но есть личностный смысл, который может быть переведен как *personal sense*. И мне важно заметить, что диалог о любви – это всегда диалог смыслов, а не диалог значений. Понимание этой вибрации слова «смысл» крайне важно.

Любовь есть переживание, которое позволяет человеку обрести устойчивость и сохранить собственную автономию в соединении с Другим, порождая в этом гештальте новое бытие и «*преадаптируясь*» к чему-то, чего еще *никогда не было* в мире. Таким образом, любовь – это готовность к преобразению. И именно в этом качестве она связана со способностью к преадаптации.

Близкие к нашему пониманию любви мысли звучат у одного из самых загадочных философов XX века Мераба Мардаршвили:

«Представим себе, что мир был бы завершен, и к тому же существовала бы некая великая теория, объясняющая нам, что такое любовь <...>. Ведь ясно, что если бы это было так, то было бы совершенно лишним переживать, например, чувство любви.

Но мы же все-таки любим.

Несмотря на то, что, казалось бы, все давно известно, все пережито, все испытано! Зачем же еще мои чувства, если все это уже было и было миллионы раз? Зачем?! Но пере-

вернем вопрос: значит, мир не устроен как законченная целостность? И я в своем чувстве уникален, неповторим. Мое чувство не выводится из других чувств. В противном случае не нужно было бы ни моей любви, ни всех этих переживаний – они были бы заместимы предшествующими знаниями о любви. Мои переживания могли бы быть только идиотическими.

Действительность была бы тогда, как говорил Шекспир, сказкой, полной ярости и шума, рассказываемой идиотом. Значит, мир устроен как нечто находящееся в постоянном становлении, в нем всегда найдется мне место, если я действительно готов начать все сначала».

В начале было со-действие

Когда пишешь о любви, то самый большой риск, подстерегающий автора, – девальвация любви, подмена феноменологии любви возвышенными скабрзностями, слащавостями, выхолащивающими это чувство суррогатами или же играми во вселенскую любовь.

Избежать этого можно только пониманием того, что любовь – это неповторимая, одна на двоих, коммуникация, возникающая между людьми.

Любовь – это высшая форма со-действия. И когда я вторю за Бахтиным, Бубером и Сартром, что единицей развития существования является со-существование, когда я вслед за Ухтомским убеждаю: «В начале было Лицо Другого», – то говорю тем самым, что человечность – это и есть восхождение по лестнице со-действия. Выше и выше, вплоть до кульминации – возможности любить друг друга. Сосуществование на основе взаимодополнения и обогащает каждого человека, и расширяет возможности развития сообщества в целом. Смысл и значение индивидуального разнообразия людей (так и хочется сказать «человеков») обнаруживается прежде всего в сотрудничестве и сотворчестве с другими людьми.

Именно культура совместности, или (как более точно говорят некоторые современные исследователи) «*жизнь сооб-*

ща», послужила одним из мощнейших драйверов при переходе от простоты к сложности.

Одна из главных загадок человека в том, что человеческая личность, с одной стороны, как никакое другое создание – это «мир в себе», тщательно охраняемый от вторжения других «я». С другой стороны, человек обладает способностью вступать в такой глубокий контакт с другими, при котором порой возникает взаимопонимание, поражающее воображение своим совершенством и законченностью.

Мало того, в таких контактах каждый не только реализует, но и находит, обретая свою опору в других, собственные возможности. Говоря словами Сергея Сергеевича Аверинцева, уникального филолога и культуролога: «[Любой человек] не может стать самим собой, не может вообще стать, не оттолкнувшись каким-то образом и от "родства", и от "соседства"». Поэтому едва ли не главным достоинством личности является осознанное признание равноправности и ценности Другого.

Таким образом, прогресс и человека, и человечества связан с восхождением от обезличенности – к обретению неповторимого «я» в процессе социальных коммуникаций, полифонии сообщения и общения, *связи и вязи*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.